

© 2013 г. Д.А. РОМАНОВ

О СУДЬБЕ ПРОИЗВОДНЫХ ФРАНЦУЗСКОГО КОРНЯ *FLANC*- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлена функциональная история одного из иноязычных корней, заимствованных русским языком в XVIII в. Французский корень *flanc*- дал начало развитию в русском языке словообразовательных гнезд *фланг*- и *фланк*-. На материале динамики их лексикографических фиксаций, изменения характера словоупотребления статья показывает закономерности семантического развития членов названных словообразовательных гнезд на фоне общих языковых процессов в области лексики более чем за 200-летний период. Декорреляция разнооформленных заимствований, мозаичность структуры их словообразовательных гнезд с точки зрения актуальности для носителей языка, спорадическое оживление архаизированных значений благодаря языковым контактам и билингвизму делают судьбу корня *flanc*- показательной для русского языка. Подобная судьба далеко не единична.

Ключевые слова: заимствование, специальная лексика, языки-посредники, фонетико-графические варианты, словообразовательное гнездо, дериваты, продуктивность, частотность, лексикографическая фиксация, семантика, архаизация, актуальность

The article presents the functional history of one of the foreign-language roots borrowed by Russian in the XVIII century. The French root *flanc*- gave rise to a group of words derived from *фланг*- and *фланк*- in Russian. Using the material of the dictionaries and the changes in word usage some regular properties of the semantic development is shown for this derivational group against the background of the general language processes in the field of lexicon for a more than 200-year period. The history of the borrowed root *flanc*- in Russian is marked by discrepancies between differently formed loan-words, heterogeneity of their derivational sources from the point of view of relevance for native speakers, and a sporadic revival of the archaized meanings in the context of language contacts and bilingualism. The similar destiny is far from being single.

Keywords: loan-word, special lexicon, intermediate languages, phono-graphic variants, family of words, derivatives, productivity, usage rate, lexicographic fixing, semantics, archaizing features, relevance

Французский корень *flanc*- пришел в русский язык через посредство других европейских языков (немецкого, голландского и польского) в начале XVIII в. Н.А. Смирнов в своей известной работе «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» отмечал, что в формах женского рода *фланка* и *флянка* этот корень зафиксирован с 1704 г. (очевидно, как заимствование из польского языка), а в формах мужского рода *фланк* и *флянк* (как немецкое или голландское заимствование) – с 1716 г. («Устав воинский» Петра I) [Смирнов 1910: 309].

Корень принадлежит к тематической группе армейской военной лексики, которая в Петровскую эпоху пополнялась иноязычными словами очень интенсивно, уступая в этом процессе, по наблюдениям Н.А. Смирнова, только административной и военноморской лексике. По подсчетам лексикографов, армейская лексика заимствовала в Петровское время около 450 слов, от которых было образовано свыше 160 дериватов [Биржакова и др. 1972: 172]. Масштабная реорганизация армии, предпринятая Петром I, не могла не отразиться в лексическом составе языка. Словарь военного дела интенсивно пополнялся за счет заимствований. «Это были названия военных соединений и родов

войск, военных укреплений, разных видов орудий, названия лиц по должности, званию, принадлежности к определенным видам и родам войск, наименования военных действий и состояний, предметов обмундирования и т.п.» [История лексики 1981: 62–63].

Французский корень *flanc-* и его производные имеют интересную функциональную судьбу в русском языке. Эта судьба показательна для определенной группы фонетически модифицированных заимствований. Эволюция словообразовательных гнезд с двумя русифицированными вариантами корня *flanc-* (*фланг-* и *фланк-*) отражает все важнейшие формальные (фонетические, морфологические, деривационные) и семантические изменения, которые претерпевали в русском языке заимствования XVIII в.

На примере производных корня *flanc-* отчетливо видна амбивалентность языковых связей заимствований, определяющая их нелинейные судьбы в принимающем языке. С одной стороны, перед нами типичное для слов специальной лексики семантическое расхождение словообразовательных ветвей этимологически одного корня в заимствующем языке и их параллельное существование и развитие. С другой стороны, эти разные ветви обретают такой статус лишь на последнем этапе освоения русским языком (спустя более полутора веков), а до того воспринимаются как родственные между собой и генетически связанные с родным (французским) языком, причем во всем этимологически первичном своеобразии. «Для большинства слов, заимствованных в ту (или непосредственно предшествующую) эпоху, живые связи между значениями, восходящие к языку-источнику, достаточно отчетливо осознавались современниками заимствования (что в значительной мере объясняется распространением дву- и многоязычия в русском обществе того времени)» [Биржакова и др. 1972: 265].

Укажем узловые аспекты судьбы подобных слов в русском языке.

Во-первых, следует отметить, что заимствованиям научно-технического, военного и подобного характера (типа *flanc-*) характерно то, что они приходят в язык сразу в составе нескольких слов, то есть заимствуется не только вершина гнезда, а одновременно и вершина, и несколько ее производных, что весьма специфично для языковой ситуации Петровской эпохи. Затем к заимствованным однокоренным словам добавляется еще ряд производных, образованных уже внутри принимающего языка с помощью русских или переводных словообразовательных формантов по продуктивным в русском языке деривационным моделям.

Во-вторых, корень при заимствовании получает два разных фонетико-графических варианта и в русском языке дает формально разные словообразовательные производные, которые воспринимаются первоначально как семантически связанные (а иногда и дублетные), но все более расходящиеся по мере усвоения их русским языком. Фонетические различия одного и того же корня связаны с возможным в Петровское время одновременным множественным его заимствованием: как из языка-источника, так и через посредство нескольких разных языков. Известно, что в первой четверти XVIII в. существенно изменилась роль языков-посредников. «Рядом с прежними языками-посредниками (в первую очередь польским. – Д.Р.) появляются новые – голландский (для ряда французских и немецких слов), английский и шведский (для ряда французских слов), датский, немецкий» [История лексики 1981: 62]. Как отмечает Н.А. Мещерский, «военная лексика заимствуется главным образом из немецкого, частично из французского языков» [Мещерский 1981: 147]. Медленный характер семантического обособления объясняется тем, что «живая связь с языком-источником, которая активно поддерживалась билингвами в течение всего XVIII в., могла на более или менее длительный срок задержать уединение и даже изоляцию подобных значений. С другой стороны, такой изоляции могло препятствовать хоть и ограниченное (временем, функциональной сферой, социально-групповыми рамками и т. п.), но живое употребление в русском языке таких значений иноязычного слова, которые связывали между собой его другие, уже прочно вошедшие в широкий языковой обиход значения» [Биржакова и др. 1972: 265].

В-третьих, русскоязычные словообразовательные гнезда с подобным корнем изначально носят специальный, то есть узкий по сфере распространения характер. Основное развитие гнезда происходит в послепетровскую эпоху (в 1740–1790-е гг. и даже позд-

нее), когда военная и морская лексика пополняется уже незначительно и в основном за счет слов сугубо специальных. Обозначая явления из быстро развивающейся сферы человеческой деятельности, члены подобных словообразовательных гнезд склонны к скорому устареванию в основных значениях, развитию вторичных значений как специального, так и общеупотребительного характера. В современном русском языке подобные параллельные словообразовательные гнезда выглядят мозаичными структурами, включающими, с одной стороны, актуальные и высокочастотные компоненты, с другой – явные историзмы. При этом деривационная связь гнезд и их этимологическое родство носителями современного русского языка не ощущаются.

Остановимся подробнее на выделенных выше особенностях функционирования в русском языке производных французского корня *flanc-*.

Сам по себе французский корень известен с XI в. (текст «Песни о Роланде», 1080 г.) и имеет франкское происхождение; его праформа **hlanka* обозначает ‘бедро’ [Dauzat et al. 1963: 308; Picoche 1983: 297]. По мнению М.Р. Фасмера (со ссылкой на Е. Гальмишега и Ф. Клюге), французский корень восходит к др.-в.-нем. *hlanka*, что означает ‘бедро, ляжка’, а сам французский корень обозначает ‘пах, утроба, бок’ [Фасмер 1996: 198].

В значениях ‘бок, боковая сторона чего-либо’, ‘боковая поверхность, откос, склон’, ‘чрево, утроба’ этот корень активно функционировал во французском языке. Развив новые дополнительные значения, он перешел в том числе в специальную (военную) сферу использования (по данным Ж. Пикоше, в начале XVI в.), где стал обозначать боковые стороны воинского соединения, строя, шеренги, а также боковые пристройки укреплений, бастионов и крепостей, предназначенные для артиллерийского огня, перпендикулярного линии фронта (т. е. для дополнительной защиты укреплений). Слово *flanc* с уже разветвленной во французском языке полисемией было заимствовано другими европейскими языками, в частности немецким и голландским, откуда в Петровскую эпоху (возможно, через посредство польского *flanka*, как отмечает Фасмер) пришло в русский язык в качестве принадлежности воинского дискурса.

В голландском и польском языках корень *flank-* до сих пор сохраняет только пространственное (‘боковая сторона’) или военное (‘крыло воинского построения’) значения. Этим они ближе русскому языку, чем немецкий, так как в последнем у корня *flank-* значение ‘бок (животного)’ является основным. Кроме того, в польском языке встречаются две родовые формы существительного *flanka* (ж. р.) и реже – *flank* (м. р.) [Słownik 1980: 222], т. е. польский язык пытался преодолеть несоответствие женского рода этого слова во французском источнике, а также в немецком и голландском языках мужскому роду существительных, оканчивающихся на твердый согласный, в славянских языках. То же наблюдалось в русском языке первой четверти XVIII в. Характер ограничения семантической сферы и первоначальная вариативность грамматического оформления существительных свидетельствуют о несомненном приоритетном влиянии голландского и польского языков на усвоение французского корня *flanc-* русским языком.

Русский язык начала XVIII в. получил данный корень в нескольких фонетических и графических вариантах: *фланг-*, *фланк-*, *флянк-*. В условиях обильного заимствования из разных европейских языков большинство парных по глухости / звонкости звуков русского языка в иноязычных словах свободно варьировались. Наиболее часто в такие отношения вступали зубные и заднеязычные согласные: [с] – [з], [т] – [д], [г] – [к] – [х]. Среди факторов, приводивших к этому, можно отметить следующие: слова с этимологически единым корнем могли приходить в русский язык одновременно из разных европейских языков, где они отличались фонетическим и графическим оформлением; транскрипционные и транслитерирующие механизмы заимствования одного и того же слова нередко давали отличающиеся результаты; уже на русской почве могли происходить разного рода корректировки внешнего облика слов под влиянием отождествления с другими иноязычными или русскими словами, а также под влиянием фонетических и графических традиций русского языка. Фонетико-графическая вариативность консонантного исхода корня на заднеязычный отмечалась в начале XVIII в. во многих словах

(как с финальным сочетанием «сонорный + заднеязычный», так и в случаях одиночного заднеязычного, стоящего после гласного): *ранг* – *ранк*, *берг* – *берк*-, *флаг* – *флак* – *флах*, *галстуг* – *галстук* – *галстух*. Аналогично варьировались зубные: *вокзал* – *воксал*, *борд* – *борт*, *бронза* – *бронса*, *газ* – *гас*, *картуз* – *кардуз* – *картус*.

Слова *фланк*, *фланг*, *фланка*, *флянка* приобрели в русском языке те же значения, что и в европейских языках-источниках: 1. Левая или правая оконечность шеренги, строя, фронта, расположения войск. *По флянкам постановил кавалерию* (Архив князя Ф.А. Куракина. 1709 г. Цит. по [Черных 1999: 316]). 2. Боковая сторона военного укрепления. *Из орелиона и высокой фланки сице канонеровать надлежит* (Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте... барона фон Кугорна. Перевод с голл. М. Шафирова. 1709 г. (Цит. по: [Биржакова и др. 1972: 120])).

В первом значении слово *фланг* функционирует в русском языке до сих пор, причем оно перешагнуло узкопрофессиональную военную сферу, развив общеязыковое значение 'левая и правая сторона колонны, шеренги в обстановке боя, охоты, спортивной игры и т. п.' [БТС: 1425]. Кроме того, у военного и невоенного значения этого слова появились оттенки, относящиеся к другим сферам человеческой жизни. Так, один из оттенков характерен для шахматной игры: 'в шахматной игре: сторона доски, к которой примыкает король или ферзь белых фигур в начале партии' (*королевский фланг*, *ферзевый фланг*) [МАС: 369].

Несмотря на то что корень *фланг*- активно употреблялся в русском языке с начала XVIII в., о чем свидетельствуют многие военные документы Петровской эпохи (большая часть из них приведена в уже упомянутой работе Н.А. Смирнова), слово *фланг* не было зафиксировано словарями и лексиконами XVIII в. Хотя оно и записано в «Аналогических таблицах» к первому Словарю Академии Российской (1789–1794 гг.), тем не менее в числе около 200 западноевропейизмов слово *фланг* не было включено в словарь его составителями вполне сознательно, чтобы, как писала Е.Р. Дашкова, «избегая всех слов иностранных, заменять оные российскими старинными или вновь по правилам произведения слов сделанными»; об этом см. [История лексики 1981: 173–174].

Первое словарное воспроизведение корня в варианте *фланг*- осуществлено в третьей части «Нового словотолкователя...» Н. Яновского, где по устойчиво принятому в этом издании подходу приводятся все фонетические варианты одной и той же лексемы, в данном случае – *фланг* и *фланк* с единым толкованием значения «оконечность строя, фронта и проч.» [Яновский 1806: 313]. Как единственная форма представления этой семантики *фланг* фиксируется во всех словарях начиная с «Общего церковно-славяно-русского словаря...» П.С. Соколова («Реч. воен. Бок, сторона» [Соколов 1834: 1631]) и Академического «Словаря церковно-славянского и русского языка» («Воен. Бок, сторона, крыло у войска» [САР 1847: 389]).

С течением времени французский корень *flanc*- в варианте *фланг*- отпочковывает в русском языке ряд производных: от существительного *фланг* образуются прилагательные *фланговый* (с вариативным ударением – *фланго́вый*, *фла́нговый* и возможной формой *фланговóй*), *левофланговый*, *правофланговый*, а с конца XIX в. и субстантивы от этих прилагательных, обозначающие человека в строю, шеренге (в XX в., например, в спортивных или пионерских построениях и т. п.).

Простые прилагательные впервые лексикографируются ближе к середине XIX в. – *фла́нговый* [Соколов 1834] и *фланго́вый* в [САР 1847]. Но существуют эти прилагательные в языке со значительно более раннего времени: «В первые десятилетия XVIII в. в связи с активным образованием терминологической военной и морской лексики разряд прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*, образованных от основ существительных этих тематических групп, пополняется особенно интенсивно» [Мальцева и др. 1975: 168]. С 1710-х гг. до конца первой трети XIX в. формы *фланговый* и *фланковый* воспринимались как абсолютные семантические дублиеты и свободно чередовались в одних и тех же текстах. Несмотря на то что прилагательные *фланговый* и *фланковый* носили специальный (военный) характер, их дублетность не противоречила законам развития русской лексики периода бурного приумножения терминологического словаря всех наук

и сфер человеческой деятельности. Весь XVIII в. характеризовался «огромной фонетико-морфологической вариантностью в кругу терминов. Особую вариантность давали заимствованные слова. Форма их варьировалась в зависимости от различия языковой среды, через которую они приходили в русский язык, от различных систем передачи их в русском языке, от степени русификации, которой они подверглись в течение первой трети века» [Кутина 1964: 204].

Сложные прилагательные зафиксированы лишь в 30-х гг. XX в.: *правофланговый* [Ушаков, 3: 697], *левофланговый* [Слов. Акад. 1934: 43]. Они, очевидно, возникли в военной среде не ранее середины XIX в., когда дальнейшее развитие «русской терминологической системы с неизбежностью привело к интенсификации различных типов словосложения» и когда сложные слова стали получать вполне «определенное место в лексической системе литературного языка», преимущественно «научно- и технико-терминологической» [Сорокин 1965: 297–298].

В итоге незначительной семантической эволюции у данных прилагательных в русском языке сложились следующие значения:

фланговый – 1. Относящийся к флангу, находящийся на фланге, производимый с фланга, во фланг. 2. В знач. сущ. Крайний с фланга в шеренге [МАС: 569];

левофланговый – 1. Расположенный, находящийся на левом фланге. 2. В знач. сущ. Тот, кто находится на левом фланге и замыкает ряд, шеренгу и т. п. [БАС III, 9: 82];

правофланговый – 1. Находящийся, расположенный на правом фланге (здесь необходимо добавить оттенок ‘возглавляющий движение, шеренгу, ряд’ – Д. Р.). 2. Перен. Такой, на которого надо равняться в чем-либо; передовой. 3. В знач. сущ. Тот, на кого нужно равняться [БАС III, 19: 453].

В современном русском языке гнездо слов с корнем *фланг-* является вполне самостоятельным. Его можно охарактеризовать как непродуктивное, но широкое по сфере использования и распространения: по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова, гнездо с вершиной *фланг* включает в настоящее время четыре компонента (*фланг, фланговый, левофланговый, правофланговый*) [Тихонов 1990: 311]; толковые словари не дают никаких локализирующих помет к значениям этих слов (см. приведенные выше статьи из [БАС III; МАС]). Эти слова актуальны для носителей современного русского языка и активно употребляются в разговорной и книжной речи. В XVIII–XIX вв. гнездо было несколько шире. Сюда, например, входил ныне устаревший глагол *фланговать* [История лексики 1981: 63] со значением ‘атаковать с флангов’.

Другой русский вариант французского корня *фланк-* долгое время (с начала XVIII в. и до середины XIX в.) функционирует двойко: с одной стороны, в подавляющем большинстве употреблений как абсолютный дублет *фланг-*, с другой – очень редко (в узко специальных контекстах) с самостоятельным значением.

Первая словарная фиксация корня *фланк-* осуществлена в «Лексиконе российском и французском...» 1762 г., где слово *фланки* (мн. ч.) определено так же, как *фланги*. В «Новом словотолкователе...» Н. Яновского 1806 г. отмечена дублетность (*фланг или фланк*). Как уже указывалось, в первом издании «Словаря Академии Российской» французский корень *flanc-* не был отражен ни в одном из фонетических вариантов как явно иноязычный. В «Словаре Академии Российской...» слову *фланк* впервые посвящена статья, снабженная как лингвистическими пометами, так и иллюстрациями: «Фланк. Реч. военн. Бок, сторона. Фланк батальона, эскадрона. Напасть на неприятеля с фланку» [САР 1822: 1114]. Форма *фланг* в этом словаре отсутствует.

В словаре Ушакова впервые зафиксированы два разных слова *фланг* и *фланк*. Оба маркированы как специальные (военные), но для лексемы *фланк* приведено вполне самостоятельное значение. Это значение узкоспециальное, военно-инженерное: *фланк* – «небольшой прямолинейный участок крепостной ограды или полевого укрепления, назначенный для обстрела подступов к соседним укреплениям» [Ушаков, 4: 1090]. В несколько скорректированном виде это значение вошло затем в [БАС I]: ‘боковая сторо-

на полевого или крепостного укрепления с прочными убежищами, предназначенное для прикрытия его с боков и для продольного обстрела подступов к соседним укреплениям» [Там же: 1430].

Первые редкие употребления слова *фланк* в таком значении относятся к Петровской эпохе. По данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ], это значение присутствует в выписках А.С. Пушкина из документов 1710-х гг., сделанных для «Истории Петра». Вот два примера: *Для мортир прибавлены новые катели; два фланка были бомбами разорены; из семидесяти пушек оставалась одна; ...повелел Головкину письменно перед мостом сделать горнверк с фланками, а по сю сторону бруствер.* Это значение неоднократно воспроизводится А.И. Богдановым в его «Описании Санкт-Петербурга» (1751 г.) при рассказе об устройстве крепостных укреплений российской столицы (поиск в НКРЯ дает в этом трактате шесть вхождений на формы слова *фланк*, и все они с военно-инженерным значением).

Из языков-посредников фортификационное значение корень *flanc-* имел только в польском языке; оно не было характерно для немецкого и голландского языков (см., например, [Die Etymologie 1963: 171]). Значит, первоначальное его усвоение русским языком шло под влиянием польского *'ramię narożnika twierdzy; narożna wieża twierdzy'* ('выступ сбоку крепости; угловая башня крепости'), которое сохраняется в польском языке до настоящего времени [Słownik 1978: 595].

Приход этого значения в русский язык связан, безусловно, с развитием в России военной инженерии (и в частности, фортификации), а также науки, изучающей ее историю и практику. По данным «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, где дана подробная объяснительная статья [Брокгауз, Ефрон: 114–115], *фланк* являлся частью бастионной системы укреплений, пришедшей на смену раннесредневековой фортификации в конце XV в. Во второй половине XVII в. бастионная система достигла наивысшего развития благодаря деятельности французского военного инженера С. Л. П. де Вобана (1633–1707), перестроившего более 300 крепостей. Именно в это время передовые стороны бастиона стали называть *фасами*, а две боковые стороны, перпендикулярные (или почти перпендикулярные) линии фронта, – *фланками*. К началу XX в. бастионная система устарела, и еще до Первой мировой войны почти все сохранившиеся в Европе бастионные укрепления были скрыты.

Фортификационное значение корня *flanc-* изначально было узкоспециальным. В русском языке оно закрепилось за вариантом *фланк* и окончательно отпочковалось от *фланг* как самостоятельное по форме и содержанию не ранее середины XIX в. (рождение самостоятельного слова произошло, несомненно, в книгах по военной истории). Лексикографическую фиксацию, как уже говорилось, оно получило только в XX в. в «Толковом словаре...» под ред. Д.Н. Ушакова.

Во второй половине XVIII в. русским языком заимствуется еще одно производное французского корня *flanc-*, сохраняющее тот же фонетико-графический облик *фланк-*, существительное *фланкёр*: из нем. *Flankeur* (от франц. *flanqueur*). Это слово впервые зафиксировано словарем П.С. Соколова: «*Фланкёр*. Фр. реч. тактич. Боковой. Говорится о солдатах, посылаемых во время похода по обе стороны дороги для открытия неприятеля» [Соколов 1834: 1632]. Однако, по наблюдениям Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой и Л.Л. Кутиной, слово начало употребляться с конца 1760-х гг.: одно из первых использований – военные рекомендации П.А. Румянцева 1769 г. Существительное изначально имело весьма широкую семантику, иллюстрируя одну из особенностей использования иноязычной лексики на первых порах ее вхождения в русский язык – «нечеткость, неопределенность, расплывчатость объема заимствуемого значения». «Если во французском языке слово *flanqueur* имело ясно очерченное военное значение: боковой охраняющий (в колонне, войске), то в первые десятилетия существования слова *фланкёр* на русской почве (с 60-х годов XVIII в.) оно могло обозначать и боковое, и передовое охранение войска, могло употребляться не только для обозначения защиты, охраны колонны от неожиданного нападения врага, но и для обозначения разведки, посылаемой вперед и в стороны в целях обнаружения неприятеля» [Биржакова и др. 1972: 257].

Следует отметить, что некую двойственность семантики ('боковой' и 'головной'; 'охранник' и 'дозорный, разведчик') это слово сохраняло на протяжении всего XIX в. Так оно представлено и в [БАС I]: *фланкёр* – 'дозорный в составе бокового или головного охранения в кавалерии конца XVIII–XIX вв.' [Там же: 1431]. В.И. Даль приводил в дефиниции дополнительные подробности: «*Фланкёр* – конный воин...; фланкёры высылаются россыпью по флангам (бокам) отряда для охраны его от внезапного нападения; они же начинают конное дело, как застрельщики пешие, съезжаясь, ристая один на один» [Даль: 1144].

Очевидно, параллельно со словом *фланкёр* в русском языке развивается глагол *фланкировать*. Особенно интенсивно это происходит в первой половине XIX в.: слово было популярно в военной среде как характеристика героизма, храбрости, бесстрашия гусарской кавалерии (в стихотворении «Гусарский пир» (1804 г.) Д. Давыдов писал, обращаясь к сослуживцу: *Будь, гусар, век пьян и сыт! // Понтируй, как понтируешь, // Фланкируй, как фланкируешь, // В мирных днях не унывай // И в боях качай-валяй!*). Ю.С. Сорокин отмечал стабильную продуктивность суффикса *-ировать* с самого начала XIX в.: «Процесс усвоения иноязычных заимствований был связан с необычайно значительным расширением круга глаголов с суффиксом *-ировать*... на протяжении всего XIX в. не встречается образований с этим суффиксом от чисто русских основ» [Сорокин 1965: 296].

Немецкий по происхождению суффикс стал универсальным средством русского оформления иноязычных глагольных основ, приобретя характер типизированного, традиционного средства деривации еще во второй половине XVIII в.; см. об этом [Биржакова и др. 1972: 181–182].

«Как известно, в русском глагольном словообразовании соотносятся и часто выступают как варианты образования глаголы с суффиксом *-овать* (круг которых в XVII–XVIII вв. расширялся за счет заимствованных слов; ср. польск. суфф. *-ować*) и *-ировать* (*-изировать*; ср. немецкий по происхождению суфф. *-ieren (-isieren)*). Если XVIII в. еще предпочитал образования первого типа, то в XIX в. в кругу заимствованных глаголов явно преобладают глаголы типа второго» [Сорокин 1965: 297].

Трудно сказать, был ли глагол заимствован из французского (*flanquer*), немецкого (*flankieren*) языков или образован уже на русской почве. «Грань между русским словообразовательным дериватом и самостоятельным заимствованием в том случае, когда непрямая заимствованная основа осложнена суффиксами иноязычного происхождения (*-ист*, *-изм*, *-ировать*, *-онный* и т. п.), далеко не всегда ясна: в XVIII в. происходит вычленение и активизация ряда таких суффиксов как собственных русских словообразовательных морфем» [Биржакова и др. 1972: 96].

Первое зафиксированное употребление глагола *фланкировать* относится к 1796 г. [Там же: 400], а первая лексикографическая фиксация отстает на столетие: глагол отмечен в «Объяснительном словаре иностранных слов» А.Д. Михельсона только в 1898 г. (у Даля глагол упоминается в словарной статье *фланкёр*, но самостоятельно не объясняется).

Глагол *фланкировать* первоначально характеризовался в русском языке тремя значениями: 1. Прикрывать артиллерийским огнем подступы со стороны противника к обороняемой позиции [МАС: 570] (это значение связано с семантикой существительного *фланк*). 2. Вести огонь вдоль линии фронта, во фланг наступающего или обороняющегося противника [БАС I: 1431] с оттенком – 'прикрывать с флангов отступающую или наступающую армию силами конных отрядов' (это значение связано с семантикой существительного *фланг*). 3. Выполнять боевые приемы пикой, сидя на коне [Там же: 1432] (это значение связано с семантикой существительного *фланкёр*).

Все три значения изначально принадлежали сфере специальной военной лексики. С течением времени у глагола развилось дополнительное значение, тоже специальное, но в иной области – архитектурной и градостроительной: 'быть, находиться, располагаться по бокам чего-либо' [Там же: 1431]; 'обрамлять с двух сторон архитектурное сооружение или какую-либо его деталь' (*фланкировать парадный вход в здание ста-*

туями, улицу фланкируют переулки, обелиски фланкируют портик храма). Это значение развилось как переносное от военной семантики под влиянием одного из значений французского *flanquer*: первоначально архитектурное *фланкировать* применялось только по отношению к крепостным сооружениям и имело значение 'защищать с боков, с двух сторон' (*башни фланкируют въездные ворота, выступающие вперед башни фланкируют башню ворот*). Французский язык не утратил этого значения глагола *flanquer* и во второй половине XX в.; см. [Robert 1978: 791].

Первоначально и в течение всего XIX в. глагол *фланкировать* имел ударение на последнем слоге – *фланкирова́ть*; в начале XX в. акцентное выделение переместилось регрессивно – *фланки́ровать*. Впервые такой акцентный вариант зафиксирован в словаре Ушакова и позднее во всех академических словарях.

На протяжении XVIII–XIX вв. французский корень *flanc-* в варианте *фланк-* обогатился в русском языке многочисленными производными: *фланковый, фланкёрский, фланкёрство, фланкироваться, фланкировка, фланкирование*. Приведем их значения:

Фланковый – 'относящийся к фланку; производимый с фланка' (*фланковый огонь, фланковая оборона*) [БАС I: 1432].

Фланкёрский – «прил. к *фланкёр*; относящийся к фланкёру, состоящий из фланкёров» (*фланкёрская цепь*) [Там же: 1432].

Фланкёрство – «искусство фланкировки» [Даль: 1144].

Фланкироваться – «страд. к *фланкировать*; прикрываться огнем с флангов» [БАС I: 1432].

Фланкировка – «то же, что фланкирование» [Там же: 1432].

Фланкирование (у Даля – *фланкированье*) – 1. Действие по глаг. *фланкировать*. 2. Боевые приемы пикой, выполняемые кавалеристами в рукопашном бою [Там же: 1431].

Самым ранним по возникновению в русском языке является прилагательное *фланковый*, которое относится к новообразованиям еще XVIII в., возникшим сразу после заимствования корня в Петровскую эпоху. По данным И.М. Мальцевой, А.И. Молоткова и З.М. Петровой, первое употребление зафиксировано в книге «Побеждающая крепость» барона Э.-Ф. фон Боргсдорфа (1708 г.). Прилагательное включено в словник лексических новообразований русского языка XVIII в. [Мальцева и др. 1975: 340].

Самым поздним является, безусловно, существительное *фланкирование* (*фланкированье*), возникшее не ранее середины XIX в. По наблюдениям Ю.С. Сорокина, в середине и второй половине XIX в. значительно увеличилось число отглагольных производных с суффиксом *-ние*. «Расширение прав публицистического элемента в различных литературных стилях, возможность свободного общения, взаимодействия и взаимопроникновения языковых средств, различных по своей стилистической характеристике и по происхождению, раздвинуло и здесь границы возможных новообразований. Поэтому многочисленны, например, для этого времени образования существительных на *-ние* от заимствованных глаголов с суффиксом *-ирова*» [Сорокин 1965: 210].

Прочие производные возникли в промежутке около 150 лет – с 1710-х до 1860-х гг. Художественные тексты XIX в. фиксируют их в изобилии.

Вполне понятно, что специальные значения в таких стремительно развивающихся сферах, как военная, начинают быстро архаизироваться: интенсивное совершенствование вооружений и военной инженерии приводит к появлению новых именовании и устареванию старых. Слова *фланк, фланкёр, фланковый, фланкёрский, фланкёрство* стали выглядеть архаическими в русском языке уже к началу XX в. Для боевых действий XX столетия русский язык использовал лишь одно значение глагола *фланкировать* ('вести огонь с флангов'), глагол *фланкироваться* с той же, только возвратной семантикой, а также существительные *фланкирование* и *фланкировка* в том же, но отвлеченном значении. Эти слова зафиксированы Национальным корпусом во многочисленных боевых документах Великой Отечественной войны, а также в произведениях К.М. Симонова и В.П. Некрасова.

За непродолжительный период актуальности в русском языке и другие производные корня *flanc-* в варианте *фланк-* успели войти в ряд литературных произведений и стать

показательными для батальных сцен и характеристики русской армии XIX в. Наиболее примечательно их использование Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским. Они встречаются также в произведениях А.И. Герцена, М.Н. Загоскина, Ф.В. Булгарина, М.И. Богдановича (как правило, в функции воссоздания военного колорита). Наиболее характерные примеры использования слов с корнем *фланк-* можно извлечь из НКРЯ по запросам *фланкёр* и *фланкёрский*.

Использование прилагательного *фланкёрский* у Ф.М. Достоевского не отражено Национальным корпусом, так как слово присутствовало лишь в журнальном варианте «Рассказов бывалого человека» (1848 г.) и не попало в текст, подготовленный писателем для собрания сочинений. Однако в примечаниях к академическому изданию Достоевского первоначальный отрывок помещен:

*Уж потом как пообтерпишься – всё равно. А сначала и долго не привыкнешь. Стоишь иной раз в строю, так пули просто уши задевают – жужжат. Только головой мотаешь, по сноровке. Наклонишься в одну сторону, как нарочно тотчас же под самым ухом провизжит, проклятая. Я уж потом всё держал голову прямо, чтоб от греха подальше: неравно еще сам смерть зацепишь, когда она еще не напрашивалась. А вот доложу, сударь, нет лучше *фланкёрской* обязанности: тот вертится, на месте не постоит, нацелить в него трудно!*

– А в атаке легче?

– Ну, там, вестимо, полегче... [Достоевский 1988: 553].

Как показывает многочисленный иллюстративный материал, вторая половина XIX в. стала периодом наибольшей интенсивности развития и продуктивности французского корня *flanc-* в русском языке: именно в это время произошла окончательная семантическая дифференциация двух гнезд (*фланг-*, *фланк-*) и число их дериватов, актуальных для носителей языка и регулярно используемых, стало максимальным.

Развитие производных данного корня от начала XVIII до конца XIX в. подтверждает идею о том, что «ассимилирующие возможности лексической системы XVIII в. – разобщенной, замкнутой в своих стилистических социально-профессиональных делениях, имеющей лишь узкий круг контактных сфер, значительно ниже, чем соответствующие возможности литературного словаря XIX в. Проблема языковой избыточности, возникающая при массовом вхождении иноязычных слов..., не могла быть разрешена в ней полностью в плане дифференциации словарных единиц: отсюда характерные для XVIII в. лексические смены – выпадения слов из “перенасыщенного” словаря. Этим же объясняется и замедленность процесса дифференциации, длительность его протекания. XVIII век зачастую лишь подготовлял те перемены, результаты которых в полной мере обнаружались в последующее время» [Биржакова и др. 1972: 333].

Итог эволюции двух фонетико-графических вариантов единого иноязычного корня, заимствованного в специальную (военную) сферу лексики русского языка, показывает, что движущими силами развития лексики в терминологических системах являются терминологическая специализация и семантическое размежевание слов (или групп слов), представлявших синонимический (или даже дублетный) ряд в момент прихода своего в специальную сферу.

Аналогичную судьбу имеют в русском языке и другие заимствованные корни: *machin-* (машина, махина), *storm-* (шторм, штурм), *kris-* (кризис, криз), *standard-* (штандарт, стандарт), *romanz-* (романс, роман), *hyacinth-* (иакинф ‘драгоценный камень; темно-синяя шелковая ткань’, гиацинт), *registr-* (реестр, регистр), *bas-* (базис, база).

В течение всего XX в. и до настоящего времени слово *фланг* и его производные продолжают функционировать достаточно широко. Слово *фланк* и его дериваты фиксируются в словарях как устаревшие и низкочастотные. Однако последний вариант французского корня *flanc-* в русском языке спорадически дает живые отростки. В частности, в последнем, третьем издании БСЭ [БСЭ: 488–489] приведена статья «фланкирование зубчатых колес». Новое (техническое) значение корня *фланк-* зафиксировано также в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина, где у существительного *фланк*

помимо устаревшего военного значения приведено также актуальное техническое значение – «срез вершин зубьев при изготовлении зубчатых колес, предназначенных для работы на высоких скоростях» [Крысин 2008: 832].

У глагола *фланкировать* на рубеже XX–XXI вв. сформировалось и активизировалось еще одно специальное значение из области микробиологии (вирусологии) и генетики – ‘блокировать с двух сторон’: *фланкировать участки гена, фланкировали ПЦР-продукт, фланкировать С-конец верхушечного тетрапептида* (НКРЯ приводит около десяти подобных примеров из журнала «Вопросы вирусологии» за 2002–2004 гг.).

Возникновение в конце XX в. ландшафтного дизайна как особого направления человеческой деятельности периода урбанизации и глобализации привело к возрождению одного из старых значений глагола *фланкировать* – архитектурного (здесь не исключено и вторичное французское влияние). НКРЯ дает такие журнальные контексты последних 15 лет: *фланкировать вход в офис клумбами, садовую дорожку фланкируют туи, этот участок лучше фланкировать подстриженными кустами* и т. п.

Архитектурно-ландшафтное значение, актуализированное для глагола *фланкировать*, стало в начале XXI в. характерно и существительному *фланкирование*: *фланкирование зоны мощения вертикальными колоннами; дорожку лучше скрыть, применив фланкирование посадками* [НКРЯ].

НКРЯ приводит также один из современных контекстов использования слова *фланкёр* в значении ‘действующее лицо компьютерной игры, применяющее огнестрельное оружие’ [Компьютерные игры (форум) (2005)].

Несомненно, что возрождение в России конца XX – начала XXI в. интереса к иностранным языкам и появление в среде россиян билингвизма (а нередко и трилингвизма) способствует повторной активизации в русском языке деривационных и семантических потенциалов отдельных еще недавно низкочастотных иноязычных корней, как это происходит с корневым вариантом *фланк-*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- БАС I – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 16. М.; Л., 1965.
БАС III – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–19. М.; СПб., 2004–2011–.
Биржакова и др. 1972 – *Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина*. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
Брокгауз, Ефрон – Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. LXXXVI. СПб., 1902.
БСЭ – Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 27. М., 1977.
БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2003.
Даль – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 4. М., 1994. (Репринт издания 1903–1909.)
Достоевский 1988 – *Ф.М. Достоевский*. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 2. Л., 1988.
История лексики 1981 – История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Отв. ред. Ф.П. Филин. М., 1981.
Крысин 2008 – *Л.П. Крысин* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.
Кутина 1964 – *Л.Л. Кутина*. Формирование языка русской науки. М.; Л., 1964.
Мальцева и др. 1975 – *И.М. Мальцева, А.И. Молотков, З.М. Петрова*. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975.
МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 4-е изд. Т. 4. М., 1999.
Мещерский 1981 – *Н.А. Мещерский*. История русского литературного языка. Л., 1981.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorgo.ru>
САР 1822 – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В 6 ч. Ч. VI. СПб., 1822.
САР 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. В 4 т. Т. IV. СПб., 1847.
Слов. Акад. 1934 – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Выпуск «Л». М., 1934.

- Смирнов 1910 – *Н.А. Смирнов*. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху //Сборник ОРЯС. Т. LXXXVIII. № 2. СПб., 1910.
- Соколов 1834 – *П.С. Соколов*. Общий церковно-славяно-русский словарь. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1834.
- Сорокин 1965 – *Ю.С. Сорокин*. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века. М.; Л., 1965.
- Тихонов 1990 – *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939; Т. 4. М., 1940.
- Фасмер 1996 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1996.
- Черных 1999 – *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1999.
- Яновский 1806 – *Н. Яновский*. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. В 3 ч. Ч. 3. СПб., 1806.
- Dauzat et al. 1963 – *A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand*. Nouveau dictionnaire étymologique. Paris, 1963.
- Die Etymologie 1963 – *Die Etymologie der deutschen Sprache*. Zürich, 1963.
- Picoche 1983 – *J. Picoche*. Dictionnaire étymologique du français. Paris, 1983.
- Robert 1978 – *P. Robert*. Dictionnaire de la langue française. Paris, 1978.
- Słownik 1978 – *Słownik języka polskiego / Red. M. Szymczak*. Т. 1. Warszawa, 1978.
- Słownik 1980 – *Słownik wyrazów obcych / Red. J. Tokarski*. Warszawa, 1980.

Сведения об авторе:

Дмитрий Анатольевич Романов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
kafrus@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 26.12.2012.